

Оглавление

ЧАСТЬ I. Я никто	7
ЧАСТЬ II. Но сегодня вечером на дороге Норт-лайн ...	145
ЧАСТЬ III. Нас свел БОГ	271
ЧАСТЬ IV. Чтобы подарить тебе еще один шанс	409
ЧАСТЬ V. И дать тоже кого-нибудь спасти	653

Чтобы обрести душу, надо потерять ее.
*А. Р. Лурия*¹

¹ *Александр Романович Лурия* (1902—1977) — выдающийся советский психолог и врач-невролог, один из основателей нейропсихологии.

Часть I

Я НИКТО

По правде сказать, все мы потенциальные ископаемые, несущие в своих телах незавершенность прежних состояний — следы мира, в котором живые существа проплывают по небосклону с не меньшим постоянством, чем облака из века в век.

Лорен Айзли.¹ Необъятный путь: Щель

¹ Лорен Айзли (1907—1977) — известный американский антрополог и натуралист, один из наиболее прославленных американских эссеистов XX века.

Вечереет, а журавли все продолжают прибывать, струящимися лентами падая с неба. Вереницами стягиваясь со всех сторон, догоняя угасающую вечернюю зарю. Десятки канадских журавлей опускаются к тающей реке. Собираются группами на островках суши, пасутся, хлопают крыльями, перекликаются: извещают о прибытии волны массовой эвакуации. Пернатых все больше с каждой минутой, воздух рдеет криками.

Изогнутая шея, ноги в струнку позади. Загнутые вперед крылья, длиной в человеческий рост. Растопыренные, словно пальцы, первостепенные маховые направляют птицу по ветру. Голова цвета крови поникает, крылья складываются, — облаченный в рясу священник, склоненный в молитве благословения. Земля все ближе, и хвост изгибается в чашечку, выпячивается брюшко. Ноги вытягиваются вперед, вывернутые колени болтаются как сломанные шасси. Очередная птица падает следом и, спотыкаясь, ищет себе место на переполненном перевалочном пункте, широкой, чистой и надежной полосе земли, растянувшейся на километры вдоль реки.

Темнеет рано, и так будет еще пару недель. Небо, пробивающееся светло-голубым меж зарослями ив и тополей, вспыхивает на мгновение розовым и гаснет в индиго. Река Платт в объятиях позднего февраля, над водами висит ночная холодная дымка, от которой покрывается

инеем прошлогодняя осенняя жнива, все еще растущая на полях рядом с берегом. Взвинченные птицы ростом с детей толпятся, крыло к крылу, на участке реки, который научились находить по памяти.

Из века в век они слетаются сюда к концу зимы, устилая болотистые земли. В свете сумерек проглядывает в них что-то от ящеров: древнейшие летающие существа на земле, недалеко ушедшие от птеродактилей. Стоит ночи опуститься на землю, и мир будто снова только что рожден — та же ночь, что и шестьдесят миллионов лет назад, когда зародилась миграция.

Полмиллиона птиц — четыре пятых всех канадских журавлей на земле — устремляются к этой реке. Находят центральный пролетный путь, вырисовывающий песочные часы по континенту. Выдвигаются из Нью-Мексико, Техаса и Мексики, преодолевают сотни километров за день, чтобы пролететь еще тысячи в последующие, прежде чем наконец достигнут сохраненных в памяти гнезд. На несколько недель этот участок реки становится пристанищем для многокилометровой стаи. Затем, к началу весны, они взмоют в небо и улетят прочь, на север, к Скачевану, на Аляску или еще дальше.

Так было всегда, так будет и в этом году. Пернатые невероятным образом могут найти маршрут, проложенный за столетия до того, как они узнали о нем от родителей. И каждый журавль помнит о пути, который ему еще предстоит пролететь.

Журавли настоящего снова толкуются по извивающимся протокам. Хор криков весь следующий час звенит в пустующем воздухе. Они хлопают крыльями и переминаются с ноги на ногу, взбудораженные долгим перелетом. Одни ломают заледеневшие веточки и бросают их в воздух. Другие выплескивают беспокойство, ввязываясь

в драки. Наконец, птицы замирают на ногах-ходулях и погружаются в чуткий сон; большая часть — в воде, остальные — неподалеку, на обкромсанных полях.

Визг тормозов, скрежет металла по асфальту, пронзительный вскрик, потом еще один вспугивают стаю. Пикап описывает в воздухе дугу, входит штопором в землю. Шлейф дыма задевает журавлей. Они взвиваются в небо, хлопая крыльями. Охваченное паникой полотно поднимается с земли, кружит и снова опускается. Крики, издаваемые существом вдвое крупнее их, раздаются на километры, а потом затихают.

К утру криков как не было. Снова есть только здесь и сейчас, речные протоки, нивы ненужного зерна, что поторопят стаи на север, за Полярный круг. С первыми лучами солнца ископаемые оживают, разминают ноги, пробуют морозный воздух, вольно скачут, распахивая клювы к небу. А затем, словно ночь ничего не отнимала, рассветные журавли, забыв обо всем, кроме настоящего, начинают танцевать. Так, как танцевали еще тогда, когда появилась река.

Она нужна брату. Эта мысль несла Карин сквозь чужую ночь. Словно в трансе, она вела машину, следуя на юг по изгибающейся от Сиуксленда трассе Небраска 77, а затем на запад по тридцатой, вдоль Платт. На проселочные дороги в ее состоянии соваться не стоило. Она все еще не отошла от звонка в два часа ночи. «Вы — Карин Шлютер? Это „Больница Доброго самаритянина“» в Карни. Ваш брат попал в аварию».

Раскрывать подробности по телефону ей отказались. Только сообщили, что пикап Марка слетел на обочину Норт-лайн и его сдавило в кабине. Он чуть не замерз,

но спасатели вовремя нашли и вытащили его. Еще долго после того как повесила трубку, она не чувствовала пальцев, пока не поняла, что прижала их к щекам. Лицо онемело, словно она сама лежала на обочине в морозной февральской ночи.

Вцепившись в руль замерзшими, посиневшими пальцами, она пролетала резервации, одну за другой. Сначала Уиннебейго, затем холмистую Омаху. Низкорослые деревья вдоль покрытой заплатами дороги клонились под тяжестью снега. Перекресток Уиннебейго, места собраний индейцев, племенной суд и здание добровольной пожарной дружины, заправка, где она покупала бензин, не облагаемый налогом, расписанная вручную деревянная плашка с надписью «Магазин национальных сувениров», средняя школа — «Дом индейцев», где она работала учителем-волонтером, пока не бросила, не в силах вынести безысходности, — все отвернулось от нее, как от недруга. На длинном, пустынном участке к востоку от Розали ей встретился одинокий мужчина примерно одного возраста с братом — в пальто не по погоде и шляпе с логотипом команды «Небраска Корнхаскерс», — он пробирался по придорожным сугробам. Стоило ей пронестись мимо, как он обернулся и сердито заворчал, словно отгоняя ее подальше.

Стежки центральной линии увлекали Карин все глубже в снежную тьму. В голове не укладывалось, как Марк, опытный водитель, мог съехать с прямой как стрела дороги, которую знал как свои пять пальцев. Слететь с дороги в центральной части Небраски — все равно что упасть с деревянной лошади. Она задумалась о дате: 20.02.02. Может, в этом все дело? Ладони вжались в руль, и машина затряслась. «Ваш брат попал в аварию». По правде говоря, на каждом перекрестке жизни он постоянно свора-

чивал не с той полосы и не туда куда нужно. И к звонкам посреди ночи она давно привыкла. Но таких, как этот, прежде не бывало.

Она включила радио, чтобы не заснуть. Нашла какое-то странное радио-шоу, на котором обсуждали, как лучше всего защитить домашних питомцев при заражении воды террористами. Спутанные статические голоса прорезали темноту, просачивались в нее и шептали, напоминающая об одиночестве и пустынной дороге, ведущей к личной трагедии.

Ребенком Марк был чувствительным: набирал персонал в собственную больницу для дождевых червей, продавал свои игрушки, чтобы предотвратить закрытие фермы, а еще со всей храбростью восьмилетки бросился разнимать родителей в ту ужасную ночь девятнадцать лет назад, когда Кэппи затянул на шею Джоан петлю кабеля питания. Вот каким рисовала она брата в воображении, без оглядки падая в темноту. Корень всех его несчастий — чрезмерное, излишнее сочувствие.

За Гранд-Айлендом, в трехстах с хвостиком километрах от Су, когда рассвет окрасил небо в персиковые тона, она мельком увидела реку Платт. Первый луч солнца отразился от бурой глади, и Карин ощутила спокойствие. Краем глаза заметила движение: меж сверкающих волн покачивались красные точки. Сначала она решила, что ей только привиделось от усталости. Сплошное полотно метровых птиц простиралось до самого леса вдаль. За последние тридцать с лишним лет она привыкла к появлению этого колышающегося множества в начале весны и все равно от неожиданности чуть не повторила судьбу Марка.

Он дождался птиц, потом разбился. Раскис еще в октябре, когда она ехала этим же маршрутом на похороны матери. Собирался с друзьями с завода и доставал при-

ставку; вместо обеда — блоки пива, и к утру, когда надо было выходить на дежурные смены, Марк знатно хмелел. «Сохраниваю традиции, Кролик. Семейная честь, все дела». Тогда ей не хватило воли вразумить его. А если бы и попыталась, вряд ли бы достучалась. Но зиму он все-таки пережил, даже немного взял себя в руки. И вот как все обернулось.

Из-за горизонта показался Карни: рассредоточенные окраины, недавно выстроенный ряд супермаркетов, забегаловки вдоль Второй улицы, старая главная авеню. Весь город внезапно показался ей чуть улучшенным съездом с восьмидесятой трассы. Знакомые виды наполняли душу странным, неуместным покоем. Дом.

Она нашла больницу так же, как птицы нашли Платт. Поговорила с травматологом, но мало что поняла из сказанного. Он все повторял, что состояние «средней тяжести», «стабильное» и «Марку очень повезло». Выглядел он молодо — с легкостью бы вписался в вечеринку, на которой брат был незадолго до аварии. Хотелось попросить взглянуть на его диплом о медицинском образовании. Вместо этого Карин уточнила, что значит «средней тяжести», и вежливо кивнула на невнятный ответ. Осведомилась, в чем же Марку «повезло», и доктор пояснил: «Повезло, что остался жив».

Пожарным пришлось вырезать его из кабины ацетиленовой горелкой. Марк мог бы до сих пор лежать на обочине, пригвожденным к ветровому стеклу, замерзая и истекая кровью, если бы не анонимный звонок с заправочной станции на окраине города.

Ее пустили в отделение, чтобы с ним повидаться. Медсестра старалась морально ее подготовить, но Карин ничего не слышала. Смотрела на ворох кабелей и мониторов. На кровати лежал комок в белых повязках.

Опухшее, покрытое разноцветными ссадинами лицо обрамляли путающиеся трубки. Испещренные гравием окровавленные губы и щеки. Спутанные волосы обрывались полоской голой кожи, из которой торчали провода. Лоб словно поджарили на гриле. Брат, одетый в больничное платье цвета яйца малиновки, с трудом дышал.

Словно издалека она услышала, как зовет:

— Марк?

Глаза в ответ распахнулись, словно у пластмассовой куклы, которых у Карин полно было в детстве. Больше ничего не двинулось, даже веки. Ничего, пока вдруг беззвучно не зашевелились губы. Она наклонилась ближе к трубкам. Из рта с шипением вырвался воздух, заглушая жужжание мониторов — словно ветер пронесся по полю готовой к сбору пшеницы.

По лицу стало ясно: он узнал ее. Но больше ничего не сказал, только слюна закапала с губ. В глазах отразились мольба и ужас. Он просил ее о чем-то; то ли о жизни, то ли о смерти.

— Все в порядке, я рядом, — сказала Карин.

Но от слов утешения ему сделалось лишь хуже. Она его взволновала, а ведь медсестра четко сказала этого не делать. Карин отвела глаза, лишь бы не встречаться с диким взглядом. Комната врезалась в память: задернутая занавеска, две стойки с грозным на вид электронным оборудованием, стена цвета лаймового шербета, столик на колесиках рядом с кроватью.

Она предприняла вторую попытку.

— Марки, это я, Карин. С тобой все будет хорошо.

Стоило произнести слова, как она почти поверила, что это — чистая правда. Из заклеенного рта вырвался стон. Рука с поставленной капельницей потянулась вверх и схватила ее за запястье. Карин удивилась его меткости.